

Мушкетер в России

ПОЖАЛУЙ, никто не ездил в Россию чаще француз, особенно в прошлом веке. Гостями бывали г-жа Сталь, Бальзак, Готье и другие. Последствия некоторых таких путешествий подчас выливались позднее в международные скандалы - что произошло, например, со знаменитой книгой де Кюстина. Здесь же пойдет речь о не менее знаменитых в Европе и только недавно полностью вышедших у нас "Путевых впечатлениях в России" Александра Дюма.

ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ принадлежность многих литераторов обусловила Ее Величество Жизнь, заставляя их пережить едва ли не больше приключений, чем литературные герои. Судьба Дюма-отца есть противоположность этому: не жизнь бросала его в передраги, а сам он превратил свою биографию в сверкающее романтическое действо. Подобно д'Артаньяну, он явился в Париж с несколькими су в кармане и завоевал город своим пером; подобно мушкетеру любил грандиозные трапезы и всевозможные награды, став обладателем едва ли не всех существующих тогда в мире орденов. Не чурался он и подлинно мушкетерских опасностей. В дни Июльской революции популярный драматург бежит по Парижу с пистолетом и чуть ли не в одиночку захватывает арсенал в Суассоне. Пару лет спустя, разочаровавшись в новой власти, он принимает участие в еще одном вооруженном заговоре, правда, неудачном.

Однако Париж бунтует все-таки не каждый год, поэтому Александр Дюма путешествует. Он может находиться в Южной Франции, на Рейне, в Египте или в Неаполе и каждый раз как бы заново открывать эти края для читателя своих путевых заметок.

Лишь в одну страну Дюма долго не мог попасть. Это была Россия. Дело в том, что он написал роман "Учитель фехтования", где речь шла о декабристах. Схорощей или плохой стороны? Какая разница, главное, что они упоминались, и во времена Николая въезд в

Россию ему был заказан.

Однако Николай Павлович умер, и у нас наступила эпоха первой Гласности. Граф Кушелев-Безбородко предложил Александру Дюма посетить свою страну. Предложение было принято восторженно, и в июне 1858 года вагон с семьей графа и французским писателем уже мчит к Штеттину, откуда ходили пароходы на Петербург.

Дюма едет в Россию в первую очередь, чтобы работать. И в Ораниенбауме, и на Валааме, и в калмыцких степях он будет три-четыре часа ежедневно писать для собственного журнала "Монте-Кристо". В него войдут, естественно, не сколько-нибудь серьезные размышления о России - времени на них не было, а лишь путевые заметки, "внешняя сторона мест". Зачастую повествование обрывается, ибо писателю пришел на ум подлинный или вымышленный анекдот, который надо тотчас поведать читателю, даже если он займет несколько страниц.

Чтобы рассказать о чем-то, Дюма даже не нужно посещать место события. Пароход проходит мимо Ревеля, и Дюма записывает две легенды о суровом правосудии этого города: казни барона за своевольство в городских пределах и историю герцога де Кроа, тело которого более ста лет не предавали земле, так как некому было расплатиться за его долги.

Еще на борту корабля Дюма начинает рассказывать читателю о русской истории, выжимая из нее, естественно, самые блестящие, "мушкетер-

ские" моменты. Начинает он с Петра Великого, стараясь не упустить в пересказе ни один мало-мальски распространенный в тогдашней российской историографии анекдот. Естественно, что отношения царя с Екатериной I уделяется в два раза больше внимания, чем Северной войне. Но ведь Дюма романист, а что может быть увлекательнее истории крестянки-императрицы?

Практически каждому государю, начиная с Петра Великого, писатель отводит несколько анекдотов, подобранных так, чтобы доставить удовольствие именно французскому читателю. Говоря о покойном Николае Павловиче, Дюма рассказывает вот что. В столице было запрещено курить на улицах. Приезжий француз не знал этого правила и прогуливался по Невскому с сигарой. К нему подъехал экипаж, и неизвестный господин сказал, что ответит его туда, где можно курить. Экипаж доставил француза в Зимний дворец, господин сопроводил его в гостиную и заявил, что это единственное место в Петербурге, где можно курить. "Кто этот вежливый господин?" - немного позднее спросил француз у дворцового служителя. "Государь", - ответили ему.

Дюма посещает Валаам, не только интересуясь обителью, но и в надежде поохотиться там на тюленей, которых, по слухам, водилось столь много, что можно было переходить с острова на остров по их головам. Ему также обещали и зайцев, которых на островах можно ловить руками. Однако тюлени и зайцы надежд Дюма не оправдали, поэтому он остался недоволен и монахами, и русским духовенством вообще, и скудостью стола.

Из всех представителей русской фауны Дюма, разумеется, в первую очередь обращает внимание на волков и медведей, причем старается гово-

рить о них по любому поводу. Вот описание зимней охоты князя Голицына. Князь и его спутники садятся в сани, привязывают к ним поросенка и несутся по степи. За ними устремляются волки. Сперва их десяток-другой, потом сотня. Охотники стреляют, но это только привлекает новых зверей, и некоторое время спустя их уже более трех тысяч(!). Кучер отпускает поводья, и компания чудом спасается благодаря быстроте лошади.

Правительство борется с волками, выплачивая за каждый волчий хвост 5 рублей. Когда этих трофеев представили на 500000 рублей, в Москве обнародовали предприятие, которое из волчьих шкур фабриковало хвосты.

Но Дюма интересуют не только плотоядные хищники. Он хочет узнать побольше о российском взяточничестве (скорее, как сейчас модно говорить, о государственном рэке) и приглашает в гости исправника. Подвыпивший полицейский сетует на нынешние "прогрессивные" времена и подробно рассказывает, как прежде полиция выдавала тысячи рублей с крестьянских дворов. Большинство этих приемов известны из книги Герцена "Былое и думы".

Подобные встречи порождают нелестные отзывы Дюма о российской действительности. Походя он замечает, что в инвалидном доме Петербурга 150 служащих и 18 инвалидов. "В России, стране злоупотреблений, все, от императора до дворника, стараются пресечь их". Однако это пока не удается. В результате долгих путешествий по России Дюма проникается грубыми нравами благородных аборигенов. "Продавал пять-шесть тысяч верст по России, вы вынуждены покупать новый кнут, однако вы не припомните, чтобы хоть один раз стегнули им лошадей". Поэтому, чтобы меньше бить станционных смотри-

телей, часть путешествия Дюма проделал парохомом, по Волге.

Через Москву и Нижний (в последнем писатель встретился с героями "Учителя фехтования" - семьей Аненковых) Дюма направляется на Кавказ. Повидав калмыков, казаков и немирных чеченцев, он отплывает на пароходе в Марсель. За это время в 43 номерах "Монте-Кристо" еженедельно выходили очерки, которые несколько лет спустя были объединены в книгу "Путевые впечатления в России".

Российская общественность отнеслась к "Путевым впечатлениям", мягко говоря, более противоречиво, чем к "Трем мушкетерам". Автору ставили в вину практически все: незнание русской истории, дилетантские переводы стихов Пушкина и Лермонтова, критику национальной кухни, битые станционных смотрителей и многое другое. Поговаривали, что сражение с чеченцами, свидетелем которого стал Дюма, инсценировал переодетый казачий отряд, смеялись над парижским обещанием Дюма обязательно встретиться с неуловимым Шамилем.

А чего в сущности можно было ждать от такого писателя? Если бы Дюма написал серьезную, углубленную книгу, с подробным анализом тогдашней российской экономики, юрисдикции и т. д., без тысячных волчьих стай, таинственных равелинов и гостеприимных полицейских, - это был бы не Дюма. Русских он любит и дает путешественникам полезный совет: никогда не заглядывайся на вещь, принадлежащую русскому человеку: сколько бы она ни стояла, он вам ее подарит. За русское гостеприимство автор "Графа Монте-Кристо" отплатил как мог, и не его вина, что по-другому у него не получилось.

Михаил КАРЧИК